

The background of the entire image is a detailed historical map of a region in Central Europe, showing towns like Halbes, Warze, and various rivers. Overlaid on the left side is a large, detailed illustration of a long-barreled rifle with a wooden stock and a metal trigger mechanism. In the upper center, there is a portrait of a man with dark, wavy hair and a prominent mustache, wearing a dark, high-collared coat. The text is arranged as follows: the author's name is in the top right; the title is in large, bold, red letters across the middle; the subtitle is in yellow letters below the title; and a red wax seal with a recommendation is in the bottom right.

**ДЕНИС
ДАВЫДОВ**

**ОПЫТ ТЕОРИИ
ПАРТИЗАНСКОГО
ДЕЙСТВИЯ**
ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА
СТИХИ

**ПОЛКОВНИК
В.В. КВАЧКОВ
СОВЕТУЕТ
ПРОЧИТАТЬ!**

Денис Давыдов

**Опыт теории партизанского
действия. Записки партизана**

«Книжный мир»

1848

УДК 94.47
ББК 63.3(2)52

Давыдов Д. В.

Опыт теории партизанского действия. Записки партизана /
Д. В. Давыдов — «Книжный мир», 1848

ISBN 978-5-6044601-3-9

Денис Давыдов известен нам как человек-легенда, гусар, поэт. Он стал в нашем массовом сознании олицетворением той «дубины» народной войны, которая сокрушила тылы и коммуникации «Великой армии» Наполеона, вторгшейся в Россию. Всем известны его стихи и документальные «Записки партизана». В этих произведениях Давыдов оставил потомкам живое и подробное описание событий Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов русской армии. Читатель может ознакомиться в его записках не только с хроникой боевых действий, но и узнать о внешности и характере полководцев и императоров начала XIX века: Александра I, Наполеона Бонапарта, Суворова и других великих людей того времени. Однако мало кто знает, что перу генерала Давыдова принадлежит теоретическая разработка организации партизанского движения в тылу врага, оформленная им в главном труде его жизни «Опыт теории партизанского действия». Эта уникальная книга не выходила в России с 1848 года и переиздается впервые за 200 лет. Как пишет в своем предисловии полковник Владимир Васильевич Квачков, пришло время открыть общественности имя этого русского генерала, намного опередившего свое время, как видного военного теоретика и основоположника российской теории специальных действий. Перед тобой, читатель, книга, опередившая военную мысль на 200 долгих лет. Войскам специального назначения России - БЫТЬ! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94.47
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-6044601-3-9

© Давыдов Д. В., 1848

© Книжный мир, 1848

Содержание

Предисловие полковника В. Квачкова	7
Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова	15
Опыт теории партизанского действия[2]	21
Вступление	21
Часть первая	23
Партизаны 1618 года	23
Партизаны 1742 года	23
Партизаны 1809 года	28
Партизаны 1812 года	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Васильевич Давыдов
Опыт теории партизанского действия.
Записки партизана. Предисловие
полковника Владимира Квачкова

© Давыдов Д.В., 2020

© Квачков В.В., предисловие 2020

© Книжный мир, 2020

Предисловие полковника В. Квачкова

Отечественная война 1812 года и Заграничный поход Русской армии в 1813–1814 гг. дали толчок теоретическому осмыслению практики боевого применения армейских и народных партизанских отрядов в тылу противника. Основоположником российской теории применения войск со специальными, или как тогда говорили, – с партизанскими задачами – бесспорно является знаменитый гусар и поэт Денис Васильевич Давыдов, издавший в 1822 году фундаментальный труд «Опыт теории партизанского действия», где впервые говорилось о сущности и целях вооруженной борьбы в тылу противника. «Истинная партизанская война состоит ни в весьма мелких, ни в первостепенных предприятиях; ибо занимается не сорванием пикетов, не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля: она объемлет и пресекает все пространство от тыла противной армии до естественного основания оной; разя в слабейшие места неприятеля, вырывая корень его существования, подвергая оного ударам своей армии без пищи, без зарядов, и заграждает ему путь к отступлению. Вот партизанская война в полном смысле слова».

На содержание данного военно-теоретического труда наложили важный отпечаток условия и обстоятельства стратегических систематических партизанских действий Русской армии в тылу и на сообщениях «Великой армии» Наполеона. Инициатива использования частей регулярной армии для ведения партизанской войны в тылу французов в Отечественной войне 1812 года также несомненно принадлежит командиру батальона Ахтырского гусарского полка подполковнику, впоследствии генерал-лейтенанту Д.В. Давыдову, ставшему командиром первого армейского партизанского отряда. В середине августа 1812 года Д.В. Давыдовым в инициативном порядке было отправлено письмо Главнокомандующему 2 Армией князю П.И. Багратиону с предложением развернуть в тылу французских войск Наполеона партизанскую войну. В ходе личного доклада он убедил П.И. Багратиона в выгодах партизанской войны, направленной на уничтожение транспортов жизненного и боевого продовольствия неприятеля, растянувшихся от Гжатска до Смоленска, способности партизанских отрядов из казаков и гусаров уклониться от боя с превосходящими силами противника, побуждении мирных жителей к вооруженной борьбе и превращении «войсковой войны в народную».

М.И. Кутузов вначале отнёсся скептически к предложению послать в тыл французов многотысячный партизанский отряд, но 22 августа, т. е. за 4 дня до Бородинского сражения, все-таки разрешил отправить в тыл противника одну партию численностью в 200 человек. Боевое применение отряда было организовано на основании письменного распоряжения Главнокомандующего 2-й Западной армией Петра Ивановича Багратиона, в котором указывалось:

«Ахтырского гусарского полка подполковнику Давыдову. С получением сего извольте получить 150 казаков от генерал-майора Карпова и 50 гусар Ахтырского гусарского полка. Предписываю Вам употребить все меры к тому, чтобы беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать фуражиров его не с фланга только, а и с середины, и с тыла; расстраивать обозы, ломать переправы и отнимать все способы. Словом сказать, полагаю, что приобретя столь важную доверенность¹, потищитесь Вы расторопностью и усердием оправдать ее. Впрочем, как и на словах вам мною приказано было, извольте лишь меня обо всем рапортовать, а более никого. Рапорты доставляйте при всяком удобном случае. О движениях Ваших никому не должно ведать, – в самой непроницаемой

¹ Д.В. Давыдов в течение шести лет в 1806–1812 гг. был адъютантом Багратиона в войнах России с Францией в 1806, со Швецией в 1808–1809 гг., с Турцией в 1809–1812 гг.

тайности старайтесь держать. Что же касается до продовольствия команды Вашей, – сами имейте о ней попечение.

Генерал от инфантерии кн. Багратион. 22 августа 1812 г. На позиции».

Армейский партизанский отряд Д.В. Давыдова начал свое выдвижение в тыл противника 25 августа 1812 года от села, которое уже на следующий день вошло славной страницей в российскую историю. Оно же, Бородино, является местом, откуда первый отряд регулярной Русской армии ушёл в тыл противника для выполнения специальных партизанских задач.

2 сентября 1812 года, когда армия Наполеона входила в Москву, в ее тылу произошло другое событие, дальнейшее значение которого в развитии партизанских и других форм специальных действий еще только предстоит оценить. В этот день согласно Журналу военных действий у Царева-Займища Гжатского уезда Смоленской губернии отряд Д.В. Давыдова в составе 80 казаков казачьего полка Войска Донского и 50 гусар Ахтырского гусарского полка под командованием своего командира внезапным и стремительным «наездом» (налетом) разгромил французский транспорт со снарядами и провиантом, находившийся под прикрытием двухсот пятидесяти человек пехоты и конницы. Именно этот день и нужно считать днём рождения российского военного спецназа, а не ограничивать нашу военную историю только советским периодом.

Оценив по достоинству успешные действия первого высланного им отряда, М.И. Кутузов уже 8 сентября назначает начальником партизанского отряда генерал-майора И.С. Дорохова и ставит ему задачи на разведку сил и намерений противника в районе села Перхушково на Можайской дороге, а 15 сентября – полковнику И.М. Вадбольскому. В дальнейшем Главнокомандующий делит на партизанские отряды большую часть казачьих войск и бросает их в тыл наполеоновской армии. Согласно советской военной энциклопедии «в сентябре в составе армейских партизанских отрядов действовало 36 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, 5 эскадронов и 3 батальона». Таким образом, давыдовский «Опыт теории партизанских действий» основан не только на личном опыте его партии (отряда), но на анализе многочисленного стратегического применения частей регулярной армии в целях партизанских действий.

В первой части книги «Постепенное усовершенствование партизанства в Германии, Венгрии, Испании и России» генерал Д.В. Давыдов рассматривает историю этого вопроса в иностранном и отечественном военном искусстве. Сам термин «партизан», по его мнению, появился в ходе Тридцатилетней войны 1648 и произошёл от французского «partie», что означало «часть, доля, участок», или, применительно к той военной обстановке, отдельный странствующий вооружённый отряд, иногда даже толпу, в основном занимавшуюся грабежами. Эти небольшие армии «бродили по Европе без казны и подданных, воевали за счёт друзей и врагов своих, часто были побеждёнными, но покорёнными никогда». В русский язык данный термин вошёл методом прямой транскрипции, то есть звуковой передачи иностранного слова. Таким образом, слово «партия» вошло в современную политическую лексику из военного искусства, первоначально означавшего какую-то отдельную небольшую часть вооружённых людей.

Во второй части книги «Изложение системы партизанского действия» Д.В. Давыдовым обосновывается необходимость ведения партизанских действий Русской армией в будущих войнах, разрабатываются основы планирования, подготовки и руководства этими действиями войск в тылу противника, предлагается использовать уникальное явление в военном мире – казачьи войска – для выполнения специальных партизанских задач в тылу противника. Обладая воистину военно-стратегическим мышлением, наш знаменитый партизан-поэт, но совершенно неизвестный как военный теоретик, доказательно показывает «превосходство России над европейскими государствами относительно лёгких войск», под которыми он, прежде всего, понимает казачьи войска, которые в сочетании с огромными российскими пространствами дают простор для их применения с партизанскими целями. Размышляя о казаках, Д.В. Давыдов пишет: «Вот истинное войско наездников – наездников не по одежде, не по названию,

но по преданиям, по воинственным обычаям соотчичей, и по неутомимому охранению своей личной свободы и собственности от хищных народов, с ними граничивших. Но обладая войском, исключительно нам принадлежащим, воинской ли проницательности Русских оставлять его без внимания потому только, что лёгкие войска других европейских государств, составляемые из одного брака пехоты, артиллерии и тяжёлой конницы, не имеют и не могут иметь важности, равной с сими тремя коренными частями военной силы?» По сути, это первое в отечественной, европейской и мировой военной науке предложение о создании отдельного рода войск – войск, специально предназначенных для действий в тылу противника. Таким образом, выражаясь современным военным языком, генерал Д.В. Давыдов ещё в 1822 году доказательно предложил создать в Русской армии Казачьи войска специального назначения.

Предлагаемая система включала партизанские действия как непосредственно в тылу противника, которые Д.В. Давыдов называл *наступательными*, так и противопартизанские действия по борьбе с отрядами противника в собственном тылу, которые назывались *оборонительными*. Анализируя историю военного искусства, Д.В. Давыдов пришел к выводу, что разделение театра военных действий на зону боевых действий и тыловую зону произошло тогда, когда затруднение «пропитать скопившиеся громады войск на тесном расстоянии понудило нас искать средства продовольствовать армии вне круга боевых происшествий и чрез то разделить единство театра войны на два поля: на *боевое* и на поле *запасов*».

Д.В. Давыдов разработал порядок построения специальной партизанской группировки сил в тылу противника. Он предложил подразделять армейские партизанские отряды по трем зонам их действий. В районе расположения главной армии неприятеля действуют «партии первого разряда»; «партии второго разряда действуют в той части неприятельского сообщения, которая простирается от поля действий партий 1 разряда до временного основания неприятельской армии» (в тыловой зоне действующей армии); «партии третьего разряда» действуют на сообщениях противника между его собственным государством и тыловой зоной действующей армии. Часть отрядов («экстренные партии») находятся в резерве.

В основе определения необходимого количества отрядов лежал участок коммуникаций протяженностью 100 верст. Такое расстояние в свою очередь определялось возможностями отряда прибыть в самую удаленную точку от центра района за один суточный переход на конях (50 км). Это правило радиуса возможного суточного перехода на конях или в пешем порядке (10–15 км) впоследствии было положено в основу оперативных расчетов боевых возможностей групп, отрядов и других формирований по перемещению, а также при определении размеров района специальных партизанских действий в тылу противника. Оно же применяется до сих пор при планировании всех специальных действий на территории противника с учётом действий спецназовцев в пешем порядке, на животных, автомобилях или другой технике.

Автору этих строк в своё время пришлось служить в Разведывательном управлении Ленинградского военного округа, где планировались специальные разведывательные и диверсионные действия на Северо-Европейском ТВД, быть начальником штаба 3 гвардейской бригады спецназ в Группе советских войск в Германии, предназначенной для действий в тылу НАТО в Западной Европе, командиром 15 бригады спецназ в Туркестанском военном округе, предназначенной для действий в тылу противника в Синьцзян-Уйгурском округе Китая, в Афганистане и на востоке Ирана. Поэтому со всей ответственностью могу заявить, что основы построения оперативной группировки групп и отрядов специального назначения в тылу противника на всех театрах военных действий соответствовали принципу, изложенному генералом Д.В. Давыдовым применительно к построению группировки партизанских отрядов времён Отечественной войны 1812 года. Уже только по этому основанию можно говорить о гениальной прозорливости Дениса Васильевича и его верном понимании стратегических основ военного искусства применительно к специальным операциям.

Д.В. Давыдовым четко высказывается требование принципа безусловной добровольности при формировании партизанских отрядов, излагаются подходы к определению численности и состава группировки партизанских отрядов в тылу противника, определяются обязанности начальника партии, даются рекомендации по действиям отряда на марше, построению боевого порядка в различных видах действий в тылу противника. До сих пор верны и точны его размышления «о выборе начальника партии», или по-современному – назначении командира отряда (группы), а шире – выбора военной профессии спецназовца. «Сие исполненное поэзии поприще требует романтического воображения, страсти к приключениям и не довольствуется сухою, прозаической храбростью... Пусть тот, который, не страшась *смерти*, страшится *ответственности*, остаётся пред глазами начальников: немой исполнитель в рядах полезнее того яркого своевольца, который всегда за чертою обязанностей своих от избытка в предприимчивости; зато сей последний полезнее первого в деле, требующем тяжкого пожертвования репутации и будущности!» Истинно так. И от себя добавлю – без куража в спецназе делать нечего. Группа или даже отряд спецназ в тылу противника по своей численности ничтожно малы по сравнению с огромной вражеской группировкой войск, а также по сравнению с той окружающей сепаратистской или иной группировкой иррегулярных вооружённых формирований. Здесь зачастую не срабатывают сравнительные расчеты боевых возможностей, а требуется интуитивное понимание обстановки. Спецназ – это поэзия военного искусства!

Снабжение партизан и спецназовцев продовольствием, боеприпасами и другими предметами материального обеспечения всегда представляло сложную задачу. Вот и в боевом распоряжении князя П.И. Багратиона указывалось: «... *что же касается до продовольствия команды Вашей, – сами имейте о ней попечение*». Поэтому подполковнику Давыдову пришлось первому решать эту проблему в качестве командира армейского партизанского отряда. Им было установлено следующее: «Отбитая добыча продаётся в том месте, где партия провела ночь; в случае же малолюдности в нём жителей, отсылается при выборных от полка казаках и офицерах в первый город, или местечко, или село, где она превращается в деньги». Также был определён строгий порядок деления добычи между людьми в зависимости от их званий, при этом в отношении начальника партии дополнительно написал следующее: «Полагать должно, что, для примера в безкорыстии, он разделяет одну добычу славы с подчинёнными, а денежную употребит в награду казакам, более других отличившимся». Как потом объяснял такое решение сам Денис Васильевич именно отказ от своей доли добычи «даёт командиру, кроме установленного уставом – ещё и нравственное превосходство над подчинёнными». Вот чему нужно поучиться современным командирам и начальникам нынешней российской армии.

Практика боевого применения армейских отрядов в тылу противника явно обозначила особенности тактики действий выделенных партизанских партий. Обнаружились особенности различных способов боевых партизанских действий в тылу противника. Отказ М.И. Кутузова в самом начале войны дать Д.В. Давыдову крупный отряд в несколько тысяч вынудил последнего выработать тактику действий, соответствующую возможностям его отряда. Вывод отряда в тыл противника был осуществлен со строжайшими мерами предосторожности. Действия своего отряда в назначенном районе подполковник Давыдов организовал в соответствии с требованиями, которые и сейчас являются основополагающими в тактике специальных формирований в тылу противника. Им были назначены *пристани и притоны*, выполнявшие роль постоянных и временных пунктов базирования отряда, применено *рассыпное отступление* групп по разным направлениям после выполнения задачи в засаде или в налёте (*наезде*), перед проведением которых предварительно назначалось *сборное место*. Основным способом действий армейских партизанских отрядов была засада на транспорты и небольшие отдельные группы французов.

Именно отсюда, из «Опыта теории партизанского действия» Д.В. Давыдова в военное искусство партизан и спецназовцев вошли понятия «днёвки», «основного и запасных пунктов сбора после выполнения задачи», распределение группы (отряда) на подгруппы (группы) в

засаде, налёте, диверсии, при передвижении в тылу противника, а также при организации и проведении других способов специальных партизанских действий. Будем помнить об этом.

В третьей части своей книги «О прикрытии собственного сообщения и продовольствия» генерал-майор Д.В. Давыдов исследовал проблемы, связанные с необходимостью защиты собственного тыла от партизанских действий противника. Прикрытие собственных сообщений он подразделяет «на внешнее и внутреннее. Первое будет обязанностью (партизанских) оборонительных партий, а последнее самих транспортов и прикрытий оных». Примечательно, что если для действий в тылу противника, по мнению автора, наиболее подходили полки Донского и Кубанского казачьего войска, то для противопартизанских действий лучше было использовать башкирские, калмыцкие и татарские полки иррегулярной конницы. Следует особо подчеркнуть актуальность третьей части этого фундаментального военно-теоретического исследования для современной российской военной действительности.

В заключении делался вывод о необходимости возложения на иррегулярные казачьи войска задачи ведения партизанской войны в тылу противника и противодействия отрядам противника в своем тылу. В этом случае, считал Д.В. Давыдов, «на сообщение наше никакие покушения противных партий не могут быть действительны, и мы с помощью многочисленности и подвижности нашей иррегулярной конницы в состоянии будем не только прикрывать тыл и перед своей собственной армии, но наносить и без генеральных сражений решительнейшие удары неприятелю».

Один экземпляр своего военно-теоретического труда знаменитый партизан и поэт, ставший к тому времени генерал-лейтенантом, послал императору Александру I. В своей работе он обосновал необходимость ведения партизанских действий Русской армией и в будущем, разработал направления целенаправленной подготовки легких войск, в особенности казачьих, к специальным действиям в тылу противника. Однако взгляды Д.В. Давыдова на стратегическое значение партизанских действий и готовность казачьих войск к их ведению с целью достижения стратегических результатов, учитывающие национальные особенности военного строительства, официального признания не получили. Ответа от царя не последовало, и генерал-лейтенант Д.В. Давыдов с должности начальника штаба корпуса в 1823 году уходит в отставку. В итоге Россия лишилась возможности иметь в составе своей армии отдельный род войск, специально предназначенный для действий в тылу противника при захвате агрессором российской территории.

Однако в отличие от нас, не сделавших должных выводов из блестящих результатов партизанской войны Русской армии и народной партизанской войны в тылу Наполеона, в российской теории военного искусства и в военном строительстве, уроки партизанской войны хорошо запомнили наши бывшие противники. Так, в Крымской войне 1853-1856 гг. французские генералы ещё хорошо помнят уроки партизанской войны. Когда французское правительство попыталось развить успехи англо-французских войск после взятия Севастополя и спланировать наступление вглубь России, главнокомандующий французской армией генерал Пелисье заявил, что уйдет в отставку, если ему прикажут начать маневренную войну. Пелисье отчетливо представлял невозможность сохранения коммуникаций от Черноморского побережья вглубь страны и обеспечения их безопасности от возможных партизанских действий Русской армии. Именно поэтому война ограничилась, по выражению Ф. Энгельса, этим «закоулком России». Таким образом, военно-теоретические и исторические исследования опыта партизанского действия в Отечественной войне 1812 года генерала Давыдова помогли России избежать более тяжёлых последствий неудачной Крымской войны.

На этом можно было бы закончить предисловие к данному фундаментальному военно-теоретическому труду, однако в последнее время в военно-научной литературе, включая так называемую российскую военную энциклопедию, появились публикации прямо искажающие историю партизанского движения в Отечественной войне 1812 года и грубо фальсифицирую-

щие роль и значение Д.В. Давыдова в теории и практике партизанских действий Русской армии. Выдумана и приписывается Винценгероде (действительно был такой) какая-то важная роль в этих событиях. При этом отбрасываются в сторону все исторические исследования по этому вопросу, имевшие место за последние 200 с лишним лет, хотя особо важная роль Д.В. Давыдова в развертывании партизанских действий Русской армии подчёркивалась во всех исторических документальных источниках...

В 1824 году вышло фундаментальное исследование Отечественной войны Д.П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». Книга была посвящена Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу всея Руси, т. е. ответственность за достоверность изложенных в ней фактов была намного выше, чем у составителей нынешней российской энциклопедии. О российских партизанах автор, сам участник войны и бывший впоследствии флигель-адъютантом императора, писал: «Но если главная российская армия оставалась в бездействии, то неприятель не менее того беспокоиваем был малою войною, с неутомимой деятельностью против него производимую многочисленными партизанскими отрядами, которые посланы были на разные дороги, к Москве ведущие, особенно со стороны Смоленска. Первая мысль употребить сей способ войны, польза коей уже доказана было примером Испании, принадлежит подполковнику Денису Давыдову. Успехи им одержанные, обратив на себя внимание фельдмаршала князя Кутузова, побудили его сделать обширнейшее приспособление сего рода войны». Ко времени написания книги после окончания Отечественной войны и заграничных походов Русской армии прошло 10 лет, и еще были живы почти все участники войны. Представляется очевидным, что изложить факты, не соответствующее хоть в малой степени действительности, в такой книге и в то время было просто невозможно. В отличие от нынешних либеральных писак-щелкоперов.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 1893 году так излагал роль и значение Д.В. Давыдова: «При начале войны 1812 г. Давыдов состоял подполковником в Ахтырском гусарском полку и находился в авангардных войсках генерала Васильчикова. Перед Бородинским сражением Давыдов первый подал мысль о выгодах партизанских действий на сообщениях неприятеля и первый же начал их с партией всего в 130 коней. Быстрые его успехи убедили Кутузова в целесообразности партизанской войны, и он не замедлил дать ей более широкое развитие».

Военная энциклопедия в 1912 году в статье о Д.В. Давыдове писала, что он «автор первого у нас «Опыта теории партизанского действия» и...соединившись с образовавшимися по его примеру отрядами партизанов Фигнера, Сеславина и Орлова-Денисова, он под Ляховым 28 октября 1812 г. атаковал отряд генерала Ожеро и заставил его сложить оружие». Таким образом, именно партизанский отряд Д.В. Давыдова стал примером для формирования всех последующих партизанских отрядов Русской армии, среди которых отряд Винценгероде даже не назывался. А в статье о партизанской войне военная энциклопедия прямо утверждала: «В первую половину Отечественной войны как бы забыли о партизанской войне, и она началась лишь по настоянию знаменитого впоследствии Дениса Давыдова».

О Винценгероде Фердинанде Федоровиче в военной энциклопедии 1912 года сказано: «Когда в 1812 году Наполеон двинулся на Россию, Винценгероде вернулся на русскую службу и получил назначение с особым отрядом прикрывать Петербургский тракт. Он быстро вытеснил французов из Велижа и Усвята и лихими набегами своей кавалерии затруднял продовольствие неприятеля. За эти успешные действия Винценгероде был произведен в генерал-лейтенанты. По вступлении французов в Москву Винценгероде занял Тверскую дорогу и занялся партизанскими набегами по Ярославской, Дмитровской и Рузской дорогам». При этом даже тогда не сам Винценгероде после занятия Москвы в начале сентября (а не в конце июля, как утверждается в энциклопедии) стал партизаном и ходил в тыл противника, а только посылал туда партизанские отряды под командованием других офицеров. Так, Д.П. Бутурлин отмечал:

«Генерал-адъютант барон Винценгероде равномерно составил два партизанских отряда, под начальством полковника Бенкендорфа и майора Пренделя, которые беспокоили сообщения неприятельские по левую сторону дороги, ведущей из Смоленска в Москву». Надо согласиться, что отправлять в тыл противника партизанские отряды и командовать ими в тылу врага – это совершенно разные области военного дела. Правда, следует отметить, что два раза сам Винценгероде все-таки побывал в тылу противника.

Второй раз, по данным русской военной энциклопедии, Винценгероде оказался в тылу противника 10 октября, когда под белым флагом отправился в Москву с амбициозной попыткой уговорить французов не взрывать Кремль. А поскольку он ранее служил во французской армии, то Наполеон приказал его повесить как изменника. Потом император смиростивился и приказал отправить барона во Францию. На пути во французский плен он был освобожден партизанским отрядом Чернышева. Это единственный случай в военной биографии бедного Фердинанда, когда он побывал в настоящем партизанском отряде. Данный факт освобождения Винценгероде из плена партизанами подтверждает и Малый Энциклопедический словарь 1907 года. Следует также отметить, что ни в одном источнике за 200 лет изучения истории Отечественной войны 1812 года Винценгероде никогда не назывался командиром партизанского отряда (в терминологии того времени – начальником партии) или тем более первым, то есть инициатором партизанских действий Русской армии.

У Винценгероде есть только одно «преимущество» перед Давыдовым – он не русский. А это, по-видимому, сейчас главное в оценке нашей истории, а нынешние «военные историки» – неслучайно подобранные случайные люди. Основание неслучайности еще необходимо выяснить: почему именно они попали в список энциклопедистов. Но это уже другая история.

Первая Большая советская энциклопедия в 1930 году так изложила мнение советских историков по партизанскому вопросу: «Во время войны 1812 г. незадолго до Бородинского сражения Д.В. Давыдов предложил главнокомандующему применить партизанские действия, направляя удары на тыл и чрезвычайно растянутую коммуникационную линию французов. Для опыта Кутузов дал ему отряд в 130 гусар и казаков. Давыдов производил внезапные нападения на французов, их транспорты и склады, причем отбитым оружием вооружал крестьян, организуя народную войну. Эти действия были настолько успешны, что отряд Давыдова был значительно увеличен и по образцу его были созданы партизанские отряды Фигнера, Сеславина, Орлова-Денисова и других».

Анализируя совместные действия армии и народных крестьянских партизанских отрядов, Л.Н. Бычков в 1954 году в работе «Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года» отмечал: «В двадцатых числах августа начал боевые действия созданный по указанию Кутузова первый отряд Русской армии, применивший партизанскую тактику против наполеоновских войск. Инициатором создания отряда, действовавшего в тесном контакте с крестьянами-партизанами, был подполковник Денис Васильевич Давыдов – позднее известный поэт и партизан. Успешные действия отряда Давыдова вызвали вскоре организацию целого ряда новых армейских партизанских отрядов, что способствовало еще большему размаху партизанского движения».

Советская военная энциклопедия в 1977 году в статье о Д.В. Давыдове также подтверждала, что именно он «в августе 1812 предложил русскому командованию организовать партизанские действия в тылах наполеоновской армии». Кроме того, в статье о партизанском движении 1812 года указывалось: «После оставления Москвы фронт партизанского движения был значительно расширен, и Кутузов, непосредственно подчинив его своим стратегическим замыслам, придал ему организованный характер. Этому в значительной мере способствовало формирование специальных отрядов из регулярных войск, действовавших партизанскими методами. Первый такой отряд численностью 130 человек был создан в конце августа по инициативе подполковника Д.В. Давыдова». Таким образом, все авторитетные военно-научные

источники на протяжении всего времени именно Д.В. Давыдова рассматривали как инициатора создания и командира первого армейского партизанского отряда в Отечественной войне 1812 года.

Поэтому утверждение новой российской Военной энциклопедии о первенстве Винценгероде в деле партизанских действий выглядит как прямое кощунство над памятью одного из самых знаменитых и любимых в народе героев Отечественной войны 1812 года. Причину, а точнее повод, назначения Винценгероде на пост первооткрывателя партизанских действий нынешними фальсификаторами можно найти в Военной энциклопедии 1912 года в статье о Д.В. Давыдове: «В 1813 г. отряд Давыдова вошел в состав корпуса генерал-адъютанта Винценгероде и участвовал с ним в деле под Калишем. Отличаясь всегда инициативой, Давыдов без разрешения Винценгероде предпринял набег на Дрезден и, заняв предместье Нейштадт, заключил договор с французским генералом Дюрютом о капитуляции французского гарнизона и о перемирии на 48 часов. Винценгероде счел это самовольством, отрешил Давыдова от командования и хотел предать его суду. Только заступничество друзей в главной квартире спасло его от суда. Император Александр освободил Давыдова от всякой ответственности и приказал вернуть ему командование, но отряд Давыдова был уже расформирован, и он оставался не у дел до осени 1813 года». Зависть барона Винценгероде, а сейчас других его иноземных последователей, к славе русского национального героя Д.В. Давыдова, русофобство и желание принизить все русское в отечественной истории является основной причиной фальсификации истории партизанского движения в Отечественной войне 1812 года.

Поэтому попытки переписать в русофобском направлении партизанское движение в Отечественной войне 1812 года и принизить роль Д.В. Давыдова в развертывании партизанской войны в военно-научном плане являются несостоятельными и должны быть отвергнуты: налицо факты научной недобросовестности. Ответы на вопросы, кому и зачем понадобилось извратить русскую военную историю, принизить роль русских национальных героев, лежат в области политики и находятся за рамками настоящего исследования. Исторические факты свидетельствуют: именно Денис Васильевич Давыдов, ставший впоследствии генерал-лейтенантом и 225-летие которого совершенно незаметно прошло 16 июля 2009 года, является первым в отечественной истории военным деятелем, оценившим могущество партизанской войны и личным примером доказавшим ее практическое значение для русского военного искусства.

Денис Васильевич Давыдов обычно известен нам как знаменитый поэт и партизан. Пришло время открыть военной общественности имя этого русского генерала, намного опередившего свое время, как видного военного теоретика и основоположника российской теории специальных действий. Все свои теоретические и практические наработки генерал Давыдов изложил в главном труде своей жизни – «Опыт теории партизанского действия». Эта уникальная книга была незаслуженно забыта почти на два столетия, не издавалась в России с 1848 года и вот теперь впервые выходит в современной русской орфографии...

Прости нас, брат партизан Денис.

Войскам специального назначения России – БЫТЬ!

Кандидат военных наук,

ведущий научный сотрудник

Центра военно-стратегических исследований

Генерального штаба Вооружённых Сил РФ

в 1999–2010 гг.

Полковник в отставке

Владимир Квачков

«12» июня 2020 г.

Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова (Автобиография)

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие услуги на словесном поприще!

Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1793 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: «Ты выиграешь три сражения!» Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

Портрет Дениса Васильевича Давыдова (16 (27) июля 1784, Москва – 22 апреля (4 мая) 1839) мастерской Джорджа Доу

Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора была подумать и о будущности: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам – и тем заключил свое воспитание.

Между порошами и брызгами, живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать «Аониды», полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н.М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в «Аонидах», воспламенили его честолюбие, он стал писать; мысли толпились, но, как приключение во сне, без связи между собою. В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было! Тогда он обратился к переводам, и вот первый опыт его стихосложения:

*Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»*

В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки четыреста рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднений. Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою.

Таковым чудовищем спешит он к двоюродному брату своему А.М. Каховскому, чтобы порадовать его своею радостью; но увы, какой прием! Вместо поздравления, вместо взаимных с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. «Что за солдат, брат Денис, – заключил он поразительный монолог свой, – что за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?» Самолюбие Давыдова было скорбно тронуту, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением.

Между тем он не оставлял и беседы с музами: он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, писывал сатиры и эпиграммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое.

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду.

В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полька, и сочинил известный призыв на пунш Бурцову... который читать не мог оттого, что сам писал мыслете.

В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангарде, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасен казаками.

По заключении мира Давыдов возвратился в Россию и написал «Договоры», «Мудрость» и несколько других стихотворений.

Зимой 1808 года объявлена война Швеции. Давыдов является в армию, ждет обещанного приступа Свеаборгу, но, узнав о начатии переговоров для сдачи этой крепости, он Спешит к Кульневу на север; следуя с ним до окрестностей Улеаборга, он занимает с командою казаков остров Карлое и, возвратясь к авангарду, отступает по льду Ботнического залива, до селения Пигаиоков, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селении Химанго, в виду неприятельских аванпостов, он перевел Делилеву басню «La Rose et l'Etourneau».

В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии; сопутствуя ему во время завоевания Аландских островов, он с ним расстав-

лял пикеты, наблюдал за неприятелем, разделял суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба.

В течение лета 1809 года князь Багратион поступает на степень главнокомандующего Задунайскою армиею; Давыдов находится при сем блистательном полководце во всех сражениях того года.

1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова приписывают к авангарду Кульнева. В поучительной школе этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился нести службу, а не играть со службою.

Возвратясь после рушукского приступа к генералу своему, получившему тогда главное начальство над 2-ю западною армиею, Давыдов находился при нем в Житомире и Луцке без действия, если исключим курьерские поездки и беседы его с соименным ему покорителем Индии (Бахусом или Вакхом, иначе Дионисием).

Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном одного до Бородина подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партией гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в середину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Бельничками и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов – в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы и – город наш!!!

Тут фортуна обращается к нему задом. Давыдов предстает пред лицо генерала Винценгероде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищаемого корпусом маршала Даву. За таковую дерзость он был лишен команды и послан в главную квартиру.

Справедливость царя-покровителя была щитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна.

Во Франции он командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком. После Краонского сражения, в коем все генералы 2-й гусарской дивизии (что ныне 3-я) были убиты или ранены, он управляет двое суток всею дивизиею, а потом бригадою, составленною из гусарских полков – того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит чрез Париж. За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) он производится в генерал-майоры.

1814 года Давыдов возвращается из Парижа в Москву, где предается исключительно поэзии и сочиняет несколько элегий.

Во время мира он занимает место начальника штаба пехотных корпусов: вначале 7-го, а потом 3-го.

В 1819 году он вступает в брак, а в 1821 году бракует себя из списков фронтовых генералов, состоящих по кавалерии. Но единственное упражнение: застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пупа надоедает ему до того, что он решается на распашный образ одежды и жизни и, в начале 1823 года, выходит в отставку.

Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостаивает его избранием в действующие лица и на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий

милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней – и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец еще одни сутки – и он близ заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимой, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлого года: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию.

До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни. Там сочиняет он «Бородинское поле», «Душеньку», «Послание Зайцевскому» и проч.

Давыдов немного писал, еще менее печатал; он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотрщиков. Запрещенный товар – как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения. Сколько столовых часов под свинцом таможенных чиновников стоят в лавке; на вопрос: долго ли им стоять? – отвечают они: вечность!

Общество любителей российской словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако сочинение его «Опыт партизанского действия» и издаваемые ныне «Стихотворения» дают ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Публичной библиотеке, в сем богоугодном и странноприимном заведении, куда стекаются любовники гулливых барышень Парнаса.

При всем том Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное – сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, поодиночке, наскоком, очертя голову; день их – был век их.

Сходство между ними идет далее: в каждой войне он пользовался общим одобрением, общию похвалою; в мирное время о нем забывали вместе с каждою войною. То же было и с журналами, заключающими стихи его, и с его стихами. Кому известна ныне служба его во время войн в Пруссии, в Финляндии, в Турции, в России, в Германии, во Франции, в Грузии и в Польше? Кто ныне знает о существовании какой-нибудь «Мнемозины», какого-нибудь «Соревнователя просвещения», «Амфиона» и других журналов, поглощенных вечностью вместе со стихами Давыдова?

Никогда бы не решился он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы и на помещение ее на неперменные квартиры у книгопродавца, если бы добрые люди не доказали ему, что одно и то же – покоиться ей розно или вместе.

Сбор этот стоил ему немало труда. Некоторые стихотворения были исторгнуты им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов, более или менее грамотных, изменились до того, что едва были узнаны самим автором. Мы не говорим уже о тех, которые, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могут теперь показаться на инспекторский смотр цензурного комитета, и о тех, кои исключены им из списка за рифмы на глаголы, ибо, как говорит он, во многоглаголании несть спасения.

Как бы то ни было, он... представляет команду эту на суд читателя, с ее странною поступью (allure), с ее обветшалыми ухватками, в ее одежде старомодного покроя, как кагульских, как очаковских инвалидов-героев новому поколению... Будут нападки – это в порядке вещей. Но пусть вволю распояшется на этот подвиг санкт-петербургская и московская милиция критиков! В лета щекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца сапогов, фабры усов, статей коня его бросала его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим, к коим равнодушие его, относительно их красоты или недостатков, не изменялось и не изменится. И как быть иначе! Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; по мнению некоторых – воображением, рассказами и разговорами; по мнению других – по залету и отважности его военных действий. Что касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говаривал нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оно утешали его, как бутылка шампанского, как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и без желания уделить кому-нибудь хотя бы малейшую каплю своего наслаждения.

Заклучим: Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах сопоставляет, как одолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всепожирательными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие – и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною – и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир – и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях – в юной девице ли, в произведениях художеств, в подвигах ли, военном или гражданском, в словесности ли, – везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!

Опыт теории партизанского действия²

Вступление

Занимаясь словесностью на коне и в курнях солдатских, я чувствовал, сколь необходимы для меня советы писателей. Видел также, что многие из предложений моих требовали и дополнения, и развития, а может быть, и совершенного исключения. Дабы удостовериться, которые места более других заслуживали порицания, я выдал в свет сей плод боевой моей жизни и просил всякого, кто не равнодушен к пользе службы, объявить мне свои замечания в журналах или письмами. Попытка моя была не без успеха: некоторые военные люди прислали мне рассуждения свои, исполненные истины, и я не замедлил исправить погрешности сего сочинения.

Выдавая в свет второе издание оно, я поставляю приятнейшим долгом изъяснить господам критикам мою искреннюю признательность, и вместе с сим просить их о продолжении сотрудничества в усовершенствовании одной из немаловажных отраслей военного искусства, более приличной российским, нежели другим государствам, легким войскам.

Упрямство обозревать предмет не вполне, или судить о нем с мнимою предусмотрительностью, есть причина того понятия о партизанской войне, которое поныне еще господствует. *Схватить языка*, предать пламени несколько неприятельских амбаров, сорвать внезапно перодовую стражу, или в умножении партий видеть пагубную систему раздробительного действия армии – суть обыкновенные сей войны определения. И то и другое ложно! истинная партизанская война состоит ни в весьма мелких, ни в первостепенных предприятиях; ибо не занимается ни сорванием пикетов, ни нанесением прямых ударов главным силам неприятеля; она объемлет и пресекает все пространство от тыла противной армии до естественного основания оной; разя в слабейшие места неприятеля, вырывает корень его существования, подвергает оного ударам своей армии без пищи, без зарядов, и заграждает ему путь к отступлению. Вот партизанская война в полном смысле слова!

Сие определение достаточно объясняет, что таковая война была бы совершенно бесполезна, если бы армии, будучи малосильны, действовали без магазинов и без забот о сохранении взаимных сообщений с государствами, к коим принадлежат они; но с тех пор, как умножили огромность армий, а с тем вместе ввели и необходимость сохранять неразрывную связь сосредоточием военных и жизненных средств и пособий, с тех пор и партии стали приносить пользу, прежде сего еще неизвестную.

И действительно, нельзя не заметить, что перемена военной системы сколько подвинула нас к совершенству, относительно части движения и битв, столько, с другой стороны, от затруднения пропитать скопившиеся громады войск на тесном расстоянии, понудила нас искать средства продовольствовать армии вне круга боевых происшествий, и через то разделить единство театра войны на два поля: на *боевое* и на поле *запасов*.

От сего произошло, что армии, отделя в особый предел все жизненные и военные потребности, подчинили действия свои части, исключительно обладающей сими потребностями; так что самые победы, умножая расстояние победоносной армии от её основания, подвергают оную гораздо значительнейшим опасностям в сравнении с теми, коими угрожаема побежденная армия, беспрепятственно сближающаяся с магазинами и заведениями своими, в поле *запа-*

² Публикуется в современной орфографии впервые по изданию 1848 года: Сочинения Давыдова (Дениса Васильевича.) Издание Александра Смирдина. Санкт-Петербург, в типографии книжн. маг. П. Крашенинникова и комп., 1848. (Из серии «Полное собрание сочинений русских авторов».)

сов расположенными; что сообщение с означенным полем сделалось сомнительней с тех пор, как партизанская война поступила в состав предначертания военачальников, и что тот из них, который употребит более усилия к истреблению у противника необходимых для войны предметов, неоспоримо возьмет над ними поверхность и без генеральной победы.

Нравственная часть партизанской войны прибавляет вышесказанной новые выгоды: страх в жителях, причиненный опустошительным проходом наступательной армии, хотя бы она была им союзная; поощрение, даваемое ею лазутчикам, поставщикам всякого рода продовольствия и подстрекателям на все вредное для оборонительной армии: все сие может возбудить в народе такую стремительность, что ежели хотя мало дадут общему брожению умов постоянное направление, то вся занимаемая неприятелем область готова будет и снабжать армию его военными потребностями, и даже усиливать её своими ратниками. Но пусть захватят умы прежде данного им направления, представя обывателям точку соединения и цель, выгоднейшую для любочестия и корыстолюбия той, которая обещается неприятелем; пусть явятся предприимчивые партизаны, и первый шаг свой ознаменуют отбитием транспортов с хлебом, с одеждой и часто с казной, что верно привлекательней бесполезного убийства мародеров: тогда тот же народ хлынет к курениям наездников и затолпится под их знаменами. Успех очарователен; а можно ли сомневаться в успехе при внезапном нападении на тыл неприятеля, обыкновенно слабо охраняемый? Каких последствий не будем ли мы свидетелями, когда разорение неприятельских госпиталей, лабораторий и магазинов; истребление транспортов, курьеров, раненых и больных, следующих в больницы и возвращающиеся из оных; словом: когда ужас, посеянный на пути сообщения, разгласится в противной армии? Когда мысль, что *нет прохода, ни проезда от партий*, похищая у каждого воина надежду при немочи найти безопасное убежище, а в рядах достаточное пропитание, в первом случае произведет в нем робкую предусмотрительность, а в последнем увлечет его на неизбежное грабительство, – единственную причину разврата духа армии, а с ним и совершенного её разрушения?

Я постараюсь представить эпохи постепенного усовершенствования партизанства в Германии, Венгрии и Испании, и остановлюсь на России, которая в 1812 году ближе всех подошла к совершенству, основав первое предначертание свое на обширнейшем размере в сравнении с другими государствами и двинув решительно легкие войска свои на путь сообщения неприятеля. Но этого было бы недостаточно, если бы благодетельная судьба не наделила её простором для сего рода действия, и *врожденными* наездниками, тогда как другие армии принуждены топтаться в тесных пределах государств своих, и обращать на сии предприятия или строевые войска, или воинов одинакового свойства с теми, из коих составлены их линейные полки.

Наконец, снимая дань с опытности и наблюдений моих, я не довольствуюсь примерами прошедшей войны, но иду далее. Все, по сие время, военные писатели, занимавшиеся сочинениями о *малой войне*, представляли нам правила тем подробностям, коим опыт один учитель; но положительные правила, как приноровлять направления партий ко взаимному направлению, или положению двух воюющих армий, нигде еще изложены не были: я их излагаю. Разделяю партии на наступательные и оборонительные, определяю силу им, и касаюсь до правил их образования и действия.

Читатель решит, достиг ли я моей цели.

Часть первая

Постепенное усовершенствование партизанства в Германии, Венгрии, Испании и России

Партизаны 1618 года

В начале Тридцатилетней Войны, когда угнетенная Фердинандом II Богемия развернула знамена бунта и, воспаленная властолюбивым Турном, потребовала от Римского Императора прав своих, утвержденных пассавским трактатом; когда Австрия, соединенно с Испанией, Баварией и Саксонией, восстала на потушение возгоревшегося мятежа: тогда явились на защиту Богемии четыре человека, с малыми способами, но с великими дарованиями. Сии люди были: Георг, маркграф Баденский, Иоанн, герцог Бранденбургский, Христиан, герцог Брауншвейгский, и Эрнест, граф Мансфельд. Неравные в способностях, несходные в характерах, но стремящиеся к одной цели и действующие одинаковыми средствами, без казны и подданных, они воевали на счет друзей и врагов своих, уважая единственно святость своего права и не заботясь о правах, войной установленных.

Читая летописи Тридцатилетней войны, с прискорбием видим неутомимую деятельность и отважную предприимчивость Мансфельда и Герцога Брауншвейгского, обращенные единственно на оскорбления и бессмысленные жестокости. Они внезапно появлялись то в Богемии, то в Пфальцском княжестве, то в Ост-Фризе, то в Кельнском Курфюршестве, то в Верхней Саксонии, в Силезии и даже в Венгрии; иногда действовали соединенно, по большей части порознь; часто бывали побежденными, но покоренными никогда. Они возрождались после поражения и являлись еще ужаснее, когда полагали их уже без возврата погибшими. Исторгая собственность из одних рук, с тем, чтобы отдать в другие; приучая народ ко всем жертвованиям, а ратников своих ко всем опасностям, они беспрерывно переносили из края в край отяготительное свое вспомоществование. Восемь лет сряду Германия была опустошаема их враждой и приязнью; успехи их возрастали, умножались, и нужны были все усилия Тиллия и Валленштейна, чтобы положить предел их неистовой отважности.

Но к чему вела сия бесполезная деятельность? В то время военная наука находилась еще в младенчестве; армии, так сказать, *бродили* по Европе, не быв подчинены никакому общему плану, не заботясь о сообщении с государствами, коим они принадлежали, и не постигнув еще образа продовольствия посредством магазинов и транспортов;

предмет их был – достижение неприятельской армии, где бы она не находилась, а средства к пропитанию – опустошение областей, где происходило действие. Вот почему успехи упомянутых воинов не имели решительного влияния на события сей войны; ибо я не могу довольно повторить, что долг начальника малой части войск состоит в истреблении военных и съестных запасов, в тылу неприятельской армии, а не нападение на нее, или на *предстражие* ее, сколько бы таковые нападения ни были привлекательны.

Партизаны 1742 года

Военная наука, по многосложности своей, сопричастуя всем наукам и художествам, и обогащаясь их новыми изобретениями, приближалась к совершенству по мере общего просвещения. Мы видели, в течение Тридцатилетней войны, великого Густава, Тиллия, Валленштейна и Торстенсона, подобно странствующим рыцарям, водящим сильные армии без магазинов, без сообщений. В 1674-м и 1675 годах Тюрен и Монтекули первые определили некоторые

правила и ввели порядок в хаос нестройных движений. В следующие годы Евгений и Марлборо способствовали развитию сей науки своими примерами, и хотя около 1740 года Великий Фридрих не стоял еще на степени наставника в системе им созданной, но уже главные черты ее были постигнуты полководцами: армии подчинялись уже общему плану и существование их обеспечивалось не опустошением земель и разорением народов, но магазинами, наполняемыми по мере способов каждого жителя. Если области, определенные быть театром войны, почувствовали облегчение от сего последнего изобретения, и человечество возблагодарило изобретателя, то, напротив, быстрота военных действий от того чрезвычайно ограничилась; пропитание армий подчинилось случайностям, и следовательно партизанская война, представляя вернейшие способы к воспрепятствованию в доставлении пропитания и снарядов, сделалась полезней и необходимей.

С кончиной Карла IV, римского императора, в 1740 году загорелась война в Европе. Пруссия, Франция и Саксония восстали на защиту Курфюрста Баварского, объявившего права свои на трон империи, оспариваемый Марией Терезией. В продолжение переговоров Фридерик, не дождавшись своих союзников, овладел, в 1741 году, Силезией. В начале 1742 года французская армия, предводительствуемая маршалами Бролио и Белилем, перешла Рейн, имея назначение, соединенно с баварской армией, идти вдоль Дуная к Вене. Саксонцы через Богемию, а Фридерик через Моравию шли к сей столице. Но французская армия, после занятия Линца, обратилась к Праге; Саксонцы отступили к Лейтмерицу, и Фридерик, находившийся уже близ Вены, видя робость и несогласие союзников, принужден был следовать их движению и расположиться близ Кёнигсграца.

Между тем Мария Терезия пробудила в подданных своих восторг и мужество, пробудила сих главных защитников свободы, сих верных спасителей народов погибающих. В исходе 1741 года, при вступлении Фридерика в Силезию, первым опытом неустрашимости сей чрезвычайной женщины было удаление её в Венгрию, в недра того самого народа, который явил негодование свое против отца её, Карла IV. Еще в течение турецкой войны область сия была обуреваема всеми страстями – предвестниками мятежа и непокорности к державной власти. Но все утихло, когда королева явилась в сейм, держа на руках сына, полуугодового младенца. Речь произнесенная ею к магнатам нации, довершила восхищение. Венгры, буйные и неукротимые, враждующие против самовластия и насилия, восстали на защиту невинности и злополучия, вверяющих судьбу свою великодушию. При сих смутных и решительных обстоятельствах все бросилось к оружию; увидели новых партизанов, кои полетели, неся пламя, ужас и смерть в середину Баварии, а наконец и на границы Франции. Менцель, Тренк, Морац, Надасти и Франкини были из них отважнейшие и счастливейшие. Начальствую отрядами Венгров, Хоравтов, Сербов и других племен славянских всадников, граничивших с восточным народом и исполненным его духом, они шли, как божий гнев, оставляя за собой одни груды мертвых тел и дымящиеся развалины. Так прорвались они сквозь Баварию и перешли Рейн. Надасти с Тренком вторглись в вейсенбургские линии. Менцель, увлеченный буйной запальчивостью и зверской свирепостью, уже готов был ворваться в недра Франции, но на приступе Сарбрика, вскочивши первый на вал города, убит из ружья. В ту же кампанию партизаны, ринувшиеся в Богемию, не переставали умножать успехов своих, затрудняя отступление армии маршалов Бролио и Белиля. Сей последний в начале блокады Праги имел 22.000 наличного войска, из коего без генерального сражения, только 9.000 достигло до города Эгры, отстоящего от Праги не более 22 миль. Переход сей от препятствий, воздвигнутых партизанами, продолжался десять дней.

В то время, как обстоятельства Марии Терезии принимали выгоднейший для нее оборот, Фридерик заключил новый союз с Францией, вступил в Богемию, обложил Прагу и, по взятии оной, подошел к Будвейсу. Тогда действие партизанов сделало первый шаг к истинной своей цели. Генерал Батиани, командовавший передовым австрийским корпусом, отрядил лег-

кое свое войско от Бероуна на Кёнигал и пересек прусской армии путь сообщения. Вот что сам Фридерик пишет о сем в книге *«История моего времени»*: «Легкие войска столь неутомимо действовали, что продовольствие, доставляемое от низменных мест, совершенно пресеклось, и сверх того прусская армия, в продолжение четырех недель, находилась без малейшего известия о Праге и обо всем, что происходило в Европе; две суммы с депешами, на имя Короля посланные, были перехвачены и довершили неведение его не токмо о движении Саксонцев, но даже и о месте пребывания армии Принца Лотарингского». После сего продолжает: «Правительство повелело жителям, при появлении Пруссаков, оставлять свои жилища, зарывать хлеб и удаляться в леса, обещая удовлетворить за все убытки их. Вот почему армия находила одни пустыни; никто не представлял на продажу съестных припасов и не можно было никакими деньгами соблазнить жителей на доставление необходимых сведений об Австрийцах. Сии затруднения еще умножились приходом венгерских войск, посредством коих пресеклось сообщение армии. От превосходства в способностях к набегам легких войск неприятель имел способы узнавать обо всем, что происходило в королевском лагере; Пруссаки же, напротив того, не смели подвергать своих разъездов опасности, а когда и посылали их, то почти всегда на верную гибель. Наконец королевская армия, заключенная в середине своего лагеря, лишенная возможности фуражировать и получать пропитание, принуждена была возвратиться тем же следом, коим вступила в Богемию».

При отступлении Фридерика в Силезию, Австрийцы следовали за прусской армией, окружая её партиями. Сие принудило Короля, и со своей стороны, образовать партизанов. Гольц и Винтерфельд, вступившие в продолжение войны на степень знаменитых полководцев и достойнейших сотрудников сего великого человека, первые явились на сие поприще. Надасти был поражен последним под Ландсгутом, и Гольц рассеял в окрестностях Опельца сильную венгерскую партию под начальством Эстергази.

Впоследствии Король победил Принца Лотарингского под Гогенфридбергом и вступил снова в Богемию. Армия его расположилась под Клумом против Кенигсграца; но австрийский партизан Франкини занял так называемый лес *Царство Сильвы*, в тылу прусской армии, и пересек сообщение с бронавской, скардатской и тротенавской дорогами в одно время, как другие партизаны, простирая набеги свои от Козеля до Швейдница и даже до Бреславля, преграждали снова путь сообщения прусской армии. В следствие сего Фридерик переставил лагерь свой и выступил в Стауденцу. Однако же, при переходе леса Царство Сильвы, вторая колонна его не избежала атаки Франкини, засевшего у деревни Либенталь, и не прежде совершил соединение свое с армией, как уже среди глубокой ночи, и то с чувствительным уроном.

Перемена лагеря не уменьшила затруднений в продовольствии прусской армии. Вот еще слова Фридерика: «Дабы во время фуражирования войска не потерпели поражения по одинокке, то принуждены были употреблять на прикрытие фуражиров отряды из 3000 человек конницы и от 7-ми до 8000 пехоты. Всякий пук соломы стоил крови. Морац, Тренк, Надасти и Франкини не сходили с поля и, можно сказать, давали уроки в поисках»³.

Наконец, во время Соорского сражения, означенные партизаны напали на лагерь победоносной армии. Сам король и большая часть прусских генералов и офицеров лишились своих имуществ, в лагере оставленных, и все больные нестроевые чины и секретари Короля попались в руки неприятеля.

Если во время Семилетней войны иногда появлялись партизаны, то удары их были частные и время поисков ограниченное. Сия эпоха, столь обильная всякого рода происшествиями, представляет нам только три поиска в истинном смысле партизанских предприятий. Лаудон,

³ Не лишнее будет заметить, что в школе сей образовались славные австрийские фельдмаршалы Лаудон и Ласси. Первого наставником был Тренк, а второго – Франкини.

граф Чернышев⁴ и Берг суть блистательные исполнители оных. Последний тем более знаменит, что с отличным дарованием своим соединил счастье быть первым наставником великого нашего Суворова⁵.

Вот выписка их журнала военных действий того времени: «Генерал-майор Берг уведомил, что неприятель сделал движение к Ландсбергу, почему он, генерал-майор, отправил туда, для разорения на реке Варте моста и для препятствия неприятелю в переходе, полковника Туроверова и подполковника Суворова с командами, которые, прибыв туда и по разломании ворот вступая в город, взяли в полон гусарского ротмистра одного, подпоручика одного же, рядовых 24 человека, одного вахмистра и одного же трубача; и потом, когда они мост портить стали, то неприятель, приближаясь с большей силой, наших казаков оттуда отбил и в город вступил, причем полковник Рутоверов и подполковник Суворов с их командами без всякого урона, кроме одного раненого сотника и одного казака, в добром порядке отступили».

Опасаясь потерять сообщение с Кольбергом, по случаю движения Берга через Дрезден к Фридебургу, Платен отступил по штатгардской дороге к Берлинхену и Бернштейну.

Выписка из того же журнала: «Генерал-майор Берг уведомил, что посланные от него полковник Зорич и подполковник Суворов с командами на неприятельские при Бернштейне три эскадрона, оные совершенно разбили, взяв притом в полон одного офицера, рядовых драгун и гусар 70 человек и столько же лошадей; убитых сочтено на месте более ста человек; прочие же даже до фрунта неприятельского преследованы. С нашей стороны ранено пять казаков, несколько гусар и лошадей».

После сего Платен отступил к Кольбергу и соединился с Принцем Виртембергским. Но как сей корпус, так и гарнизон Кольберга, давно нуждаясь в военных и съестных потребностях, ожидали огромного транспорта от Штетина через Голнау, то генерал Берг рассудил пресечь сообщение Штетина с Кольбергом и подвинулся к Наугартену.

С своей стороны, Принц Виртембергский послал полковника Клейста в Голнау с тем, чтобы подать руку означенному транспорту; Платена подвинул он к Грейфенбергу с повелением занять Вюсентин сильным отрядом для подпоры Клейсту, а Кноблоха в Трентау для подпоры Платену. Между тем транспорт пришел в Голнау, был выгнан из одного полковником Текеллием и обращен к Штетину. Тогда Берг двинулся на Вюсентин и атаковал отряд, его занимавший, так удачно, что не спаслось ни одного человека из одного. Но пока производилась сия атака, Платен, услыша пушечную пальбу в Вюсентине, отправил туда другой отряд, который, подошед к месту сражения и увидя поражение вюсентинского отряда, «потянулся обратно к

⁴ Иностранцы, приписывая славные подвиги одним соотчикам своим, относят подвиг сей к Тотлебену; но генерал-майор Тотлебен командовал тогда авангардом в корпусе генерал-поручик графа Чернышева, который вместе с ним вступил в Берлин: следовательно, честь подвига сего принадлежит последнему, а не первому. Сие напоминает нам о знаменитом кавалерийском ударе под Кунерсдорфом. Удар сей приписан был теми же иностранцами одному Лаудону, тогда как Лаудон с австрийской, а граф Румянцев с российской конницами в одно время рука об руку ударили на прусскую пехоту правого крыла, затоптали оную и решили сражение.

⁵ Я полагаю, что соотчики мои не без удовольствия увидят зародыш, так сказать неразрывных и бессмертных успехов сего чудесного человека, сего представителя всей славы российского оружия. В 1761 году Суворов служил подполковником в легких войсках генерала Берга, составлявших авангард армии фельдмаршала Бутурлина. Вся кампания сия состояла в старании соединить российскую армию с австрийской армией Лаудона; но едва союзные армии успели соединиться при Вальштадте за Одером, как снова разделились. Лаудон, подкрепленный корпусом генерала Чернышева, остался в Силезии, а Бутурлин обратился к Кольбергу, осажденному корпусом г. Румянцева. При первом известии об обратном движении Русских к Одеру, Фридерик, опасаясь нападения на Берлин, немедленно отрядил генерала Платена с 14-ю батальонами и 25-ю эскадронами через Бреслау на Познань и показал ему два предмета: разорение магазинов русской армии между Вартою и Одером, дабы через то принудить её отступить на Вислу, к коренным магазинам своим; и соединение с Принцем Виртембергским, начальствовавшим над наблюдательным корпусом под Кольбергом, дабы принудить Румянцева снять осаду сей крепости. С своей стороны, Бутурлин отрядил корпус князя Долгорукого на подкрепление Румянцову и генерала Берга для защиты магазинов, угрожаемых Платеном. Медлительность в отправлении сего последнего отряда была причиной, что Платен успел разорить магазин в Кобылине и огромный вагенбург в Гостине прежде прибытия Берга к ним на помощь. Однако же Берг вскоре догнал Прусаков при Чемпине и гнал их к Нижней Варте. Дабы обеспечить левой крыло как собственного своего отряда, так и армии, за ним следовавшей, сей генерал отрядил из Дризена две партии к Ландсбергу.

Грейфенбергу, куда для преследования одного послан с легкими войсками подполковник Суворов, который немалый вред неприятелю причинил и, напав с одним эскадроном желтых гусар, под командой поручика Карпа, и несколькими казаками на арьергардию помянутого сикурса, многих побил, одного офицера и 40 человек рядовых в полон взял. Так преследовав неприятеля около мили, к команде возвратился». *(Из того же журнала.)*

После сего Берг занял Грейфенберг, а Платен взял направление на Бельц к Камину, где, услыша об обратном прибытии транспорта к Голнау, немедленно поворотил на голновскую дорогу и остановился в Швантесгагене, оставя в деревнях Цонглове и Баумгартене славного партизана Курбьера с 2-мя батальонами и одним гусарским полком. На другой день Курбьер был охвачен Бергом и взят в плен со всем отрядом своим, и Платен, преследуемый нашими войсками, отступил к Голнау.

Тогда главнокомандующий отрядил корпус Фермора для содействия Бергу в нападении на Голнау. Фермор, нашед затруднения, остановился у города и открыл по нем канонаду; но Берг, взяв один батальон гренадер с пушками, в местечко штурмом вошел и неприятеля оттуда выгнал, «причем подполковник Суворов в преследовании неприятеля через местечко и по мосту с отменной храбростью поступил». *(Из того же журнала)*

Нельзя подумать, чтобы в течение сей кампании Суворов ограничил служение свое одними вышепредставленными подвигами, хотя в журнале имя его более уже не является; впрочем, ежели действия его не были столь блистательны, чтобы заслужить место в донесениях, то по крайней мере школа была поучительна. Поиски генерала Берга в сей кампании могут служить примером партизанской войны по всем отношениям. Через его отважность, неутомимость и искусство, столь необходимый гарнизону и войскам Принца Виртембергского, транспорт не мог достичь до Кольберга от 4 октября до 5 декабря, то есть до дня сдачи сей крайности, по причине недостатка в съестных и боевых потребностях.

В конфедератскую войну Суворов имел обширное поле для ознаменования своих способностей; он командовал уже особой, ни от кого независимой партией, состоящей из 900 человек. 1796 года, прискакав на подводах из Минска под Брест, он внезапно охватил два уланских полка Беяка и Коржицкого и принудил их сдаться пленными. У селения Орчахобы разбил обоих Пулавских, которые втрое были превосходнее его в силах. В 1770 и 1771 годах действовал с оной же партией по обеим сторонам Верхней Вислы в области, ныне называемой Австрийской Галицией; двоекратно разбил полковника Мошинского и другие конфедератские партии. Под Ландскроною победил войска маршалов Орзешки и Сапеги, коих совещателем был известный генерал Дюмурье. Под Замостьем снова разбил Пулавского. Узнав о прибытии гетмана Огинского в Литву, он полетел из Люблина к Слониму и под Столовичем разбил его наголову, взял в плен 1000 человек рядовых, 30 офицеров, 12 орудий, несколько знамен, бунчук и булаву гетмана.

После сего партизанская война если не вовсе прекратилась, то по крайней мере пришла в такой упадок, что одно фланкирование, или личная ловкость на перестрелках называемая была партизанским действием. Наездники, — из коих Ельчанинов, Гейкен и Любимов, а потом два брат Горичи были у нас отличнейшие, — довольствовались рыцарскими сшибками с неприятельскими наездниками в виду противных лагерей и пользовались наименованием партизанов без малейшего на сие права. Я скажу более: самые успехи Суворова в 1770 и 1771 годах против конфедератских войск, — успехи поучительные, как частные удары, — ничтожны в отношении истинной цели партизанской войны, ибо поиски сего великого человека не могли быть ни на что другое направляемы, как на одни отряды неприятеля, а не на путь сообщения или продовольствия его армии, рассеянной тогда по всему пространству Польского государства⁶.

⁶ В 1772 году взял Краков, защищаемый конфедератами и французскими бригадами Галибертом и Шуазье. Пределы сего сочинения не позволяют мне распространиться более в описании всех партизанских подвигов сего великого полководца.

Партизаны 1809 года

В 1792 году Костин у Французов и в 1809-м Шиль у Пруссаков обращают на себя взоры современников. Движение первого от Ландау по долине Рейна к Майнцу и занятие сей крепости в то время, когда союзная армия отступала от армий Дюмурье и Келлермана из Шампани, достойно похвалы всякого того, кто забывает сторону, к коей он принадлежал, чтобы платить дань справедливости всему тому, что носит на себе печать отличия. Шиль представляется в ином виде. Отдавая должную справедливость его смелому духу и решительности, с какой бросился он на попрание защитников Германии, с прискорбием видим что при совершенной свободе в выборе удобнейшего пункта стремления, исполнение не соответствовало обширности и смелости его плана. Нет оправдания направлению его на север, методическим сражениям и ограниченности изворотов его в действии против линейных войск,двигающихся всегда с большой тягостью, нежели малые отряды, и потому нисколько не препятствующих исполнению намерения деятельного партизана. Когда бы он, быстро перешед через Богемию и став на единственный *путь сообщения* Наполеона – на путь, проходивший через Линц, Бронау и Мюнхен, истреблял все запасы снарядов и пропитания французской армии, по сей черте расположенные и следующие: тогда имел бы он несравненно более средств вредить неприятелю, нежели действием около Северного моря и отдалением своим от круга решительных происшествий. Я знаю, что сие мнение опровергаемо будет тем, что *таковой дальний переход слишком уже был бы отважен, увлекая его от моря, наблюдаемого английским флотом, единственным его убежищем в случае неудачи*. Слабое оправдание! Нет лишней отважности для человека, который обрек себя на опасную службу партизана. Он должен истребить надежду вкусить, по совершении подвига, плоды геройского вдохновения; забыть об ожидающих его рукоплесканиях, похвалах и наградах и идти, наверное с тем, чтобы, нанеся чувствительные удары неприятелю, погибнуть с пользой, хотя бы позорной смертью.

Таковой малодушной предвидимостью нельзя упрекнуть испанских партизанов, или *гварильясов*; их действия в 1809 году будут примером для каждого начальника партии, как должно пользоваться местным положением земли, в коей ведется брань, и гневом народа, восставшего на отмщение.

При начатии войны все генеральные сражения, данные испанской армией, ознаменовались поражениями; силы её истощались, и уже французская армия, после океанского сражения, угрожала Лиссабону. Неизвестно, что понудило её перенести театр войны в Андалузию; но через сие движение все выгоды, приобретенные победами, исчезли; Англичане занялись образованием войск и укреплением важнейших пунктов на границе Португалии в то время, когда народное ополчение в северной Испании начало действовать с необыкновенным рвением.

По причине рассеяния испанской армии, областные юнты, не имея никакого сношения с главной юнтой, занялись каждая особо составлением народной стражи для местной защиты областей, ими управляемых; а народ, перестав ожидать успехов от главной армии и уверясь в необходимости общего ополчения, бросился к оружию и стал под знамена мести и независимости. Ненависть к Французам, дотоле окованная и подавляемая насилием, вдруг разрушила все оплоты и сама собой дала единство своевольному стремлению каждого гражданина. Тогда размерные движения регулярной армии заменились, так сказать, *устроенным беспорядком* вооруженных поселян, родом войны, более всякого другого свойственным неукротимому нраву Испанцев и местному положению Испании.

Впрочем, всё, что я представил, достаточно доказывает, что Суворов в сем роде войны почерпнул ту быстроту в действиях, ту ловкость в изворотах, ту внезапность в нападениях, то единство в натиске, которые доставили ему те бессмертные победы, коих тайна и поныне еще недостижима многим методикам.

Мало-помалу провинции, занимаемые Французами, покрылись партиями, составленными из линейных солдат, кои прежними поражениями были рассеяны, и из людей всякого звания, защищавших свою собственность. Известия о первых успехах сих многочисленных партий были принимаемы народом с восторгом, и в разглашениях украшались всеми вымыслами пламенного воображения южной нации. Сие самое воображение и сия неограниченная страсть к независимости, столь вредившие действию регулярных войск Испании, были истинной причиной успехов общего ополчения, доказавшего свету, что победы, одерживаемые над армиями великодушного народа, более ожесточают, нежели покоряют его под иго чужеземного властителя. В Испании все начальники партий поступили на попрание воинов из званий, чуждых военному, и почти все взошли на степень свою с низших степеней гражданских. Между отличнейшими наименее пламенного *Эль-Эмпичинадо*, грозного для неприятелей, но еще более грозного для изменников отечества, и двух героев фамилии *Мина*, столь славно способствовавших избавлению Испании от ига позорного и ненавистного! Впрочем, почти вся нация разделилась на отряды. Не было дороги, не было тропинки, по коим бы можно было избежать встречи с гварильясами. Теснины Пиренеев, Сиерра-Морены, обе Кастилии, Наваррское и Арагонское королевства сокрывали в недрах своих сих зорких, бесстрашных и неутомимых воинов, коих слава неизгладима во всех летописях, во всех сердцах, бьющихся для отечества.

Партизаны 1812 года

Пробегая представленные мной три эпохи появления партизанов, нельзя не заметить, что искусство давать партиям верное направление подвигалось, так сказать, ощупью. В первой эпохе мы видим одни толпы странствующих воинов; в последующей ужасное вторжение и первый шаг к истинной цели поисков; в третьей – более восставший народ на отмщение, нежели в полном смысле партизанов, но уже видим постоянные, хотя еще частные усилия к *похищению у неприятеля способов пропитания и боя*.

Грозная эпоха 1812 года, ознаменованная столь чрезвычайными событиями, причинила в России изменение в главной части военного искусства; системы Бюлова и подобных ему мечтателей пали, и партизанская война поступила в состав предначертаний общего действия армий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.